

«Кошмар, ну и жуть...»

Чжао Баи наконец усвоил одну простую истину: дома он был царём и богом, а здесь — всего лишь бесправной песчинкой, самым обычным рядовым.

Понурый и раздавленный, он ухитрился схлопотать наказание в самый первый же день. Восемьсот метров марш-броска — абсолютный рекорд в истории роты новобранцев. До него так глупо никто не засыпался.

Ему хотелось выть от бессилия. Пока остальные призывники мирно спали в казарме, Чжао Баи мерил шагами пустой плац. За спиной висел армейский вещевой мешок, в который заботливо уложили четыре тяжёлых булыжника. Снег на дорожках вычистили до самого асфальта — ни намёка на гололёд, так что даже схалтурить или притвориться, будто поскользнулся, не вышло бы при всём желании.

Кое-как доковыляв до финиша, Чжао Баи шумно, со свистом выдохнул и уже примерился рухнуть задом прямо на землю, как вдруг получил хлёсткий, чувствительный пинок под зад. С трудом повернув голову, он наткнулся на ледяной взгляд Ван Ана.

— Разомнись и приведи в порядок форму, новобранец! Выпрямись!

В душе Чжао Баи завыл от жалости к себе, но из последних сил вытянулся по струнке, кое-как оправил куртку и вскинул руку к козырьку:

— Товарищ командир, рядовой Чжао Баи пробежку на восемьсот метров завершил!

Ван Ан смерил его оценивающим взглядом. Парень стоял прямо, но колени у него ходили ходуном от перенапряжения. Хмыкнув, командир отделения круто развернулся на каблуках.

— За мной.

Чжао Баи растерянно моргнул и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Куда?

Ван Ан резко обернулся, его глаза опасно блеснули.

— Обращаясь к старшему по званию, ты обязан говорить «Разрешите обратиться»! Или тебе мало было? Хочешь ещё кружок?

— Так точно, товарищ командир! Виноват, товарищ командир! — тут же гаркнул Чжао Баи,

испуганно вытягиваясь.

«Какое там «ещё»! Если заставят бежать снова, пусть сразу грузят моё бездыханное тело в посылку и отправляют родителям».

— Недотёпа, — процедил сквозь зубы Ван Ан и негромко кашлянул. — Слушай сюда. Тебя распределили в Четвёртое отделение. Я твой командир отделения. Вопросы есть?

— Никак нет! Всё ясно! — изо всех сил заорал Чжао Баи.

Он искренне верил, что на этом изощрённые пытки прекрасного командира закончатся. Но не тут-то было. Ван Ан прищурился, и на его лице появилась ехидная, приторная улыбочка.

— Ишь как голосишь. Силы, я гляжу, девать некуда? Бодрячком держишься. Ну, раз так — ещё два круга по стадиону, и свободен.

— Чего?! — вырвалось у Чжао Баи.

Спорить было бесполезно — только хуже себе сделаешь. Чжао Баи сглотнул горькую обиду, незаметно утёр скупую слезу и на негнущихся, дрожащих ногах побрёл наматывать круги. Вот так, на пределе человеческих возможностей, начался его первый день в роте новобранцев.

«Да уж, весёленькая жизнь намечается... Хоть бы продержаться эти три месяца. А там пускай переводят куда угодно, лишь бы подальше от этого невыносимого, деспотичного красавца. Главное — чтобы не совсем из виду упустить. Где ещё в этой глуши встретишь такого парня? Настоящее эстетическое удовольствие. Ради такого зрелища и ослепнуть не жалко!»

Когда измочаленный Чжао Баи наконец приполз в кубрик, мечтая только об одном — выкроить хотя бы пятнадцать минут из куцега тихого часа и провалиться в глубокий сон, судьба нанесла сокрушительный удар. Стоило ему натянуть простыню на матрас, как над ухом истошно заверещал свисток дежурного, созывающий всех на плац.

— Да твою же мать... Шит! — не выдержал Чжао Баи, швыряя подушку на кровать. Вообще-то он никогда не отличался пристрастием к бранным словечкам, но сейчас плотину прорвало.

— Чего-чего? Шит? А це шо за зверь такой? — удивлённо спросил сосед со второго яруса, прыгивая на пол и на ходу натягивая ремень.

Парень уставился на него с искренним любопытством, пока они бок о бок пробивались к выходу.

— Ну... — Чжао Баи замялся и ляпнул первое, что пришло на ум: — Ты что, по-английски

вообще не шаришь?

Если бы секундой ранее Чжао Баи знал, к чему приведёт этот невинный вопрос, он бы собственноручно прикусил свой длинный и глупый язык. Потому что в то же мгновение он стал для всего Четвёртого отделения злейшим врагом и изгоем.

Новобранец резко затормозил. Он молча смерил Чжао Баи тяжёлым взглядом. Его простое, обветренное лицо исказилось от обиды, а узкие глаза гневно сощурились. Сквозь зубы, едва сдерживая ярость, он выпалил:

— Да, у меня в роду одни крестьяне! И сам я деревенщина нетесаная, книг ваших не читал! Только мы, деревенские, в отличие от вас, пижонов городских, людей по одежке не судим и нос не задираем!

Выплюнув эту отповедь, густо замешанную на местном говоре, парень рванул вперёд. Чжао Баи так и застыл посреди коридора с разинутым ртом. Сослуживцы, пробежавшие мимо, награждали его такими презрительными, испепеляющими взглядами, что Чжао Баи мгновенно почувствовал себя загнанной в угол крысой.

<http://bllate.org/book/18247/1749248>